

Время, 1861. №3

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СМѢСЬ

I

о постепенномъ

НО БЫСТРОМЪ И ПОВСЕМѢСТНОМЪ РАСПРОСТРАНЕНІИ НЕВѢЖЕСТВА И БЕЗГРАМОТНОСТИ ВЪ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

(изъ замѣтокъ ненужнаго
человѣка) (*)

Vox in Rama audita est. Rachel plorans

(*) Хотя мы во многомъ несогласны съ почтеннымъ и къ-сожалѣнію неизвѣстнымъ намъ авторомъ, мы съ удовольствіемъ однако даемъ мѣсто статьѣ его. Она откровенна, искренна, а ѣдкость ея для многихъ изъ насъ, людей издающихъ и пишущихъ пройдетъ не безслѣдно. Мы же съ своей стороны не раздѣляемъ того тонко-политическаго ученія, гласящаго, что не для чего посвящать непризванныхъ (т. е. публику) въ закулисныя тайны литературы. Мы вѣримъ въ прямое и здоровое чутье массъ и думаемъ, что честно высказанная правда, никогда не повредитъ въ глазахъ читателей ни литературѣ, ни тому уваженію, которое *должна* питать къ ней читающая и мыслящая публика, потомучто безъ этого уваженія не мыслима и сама публика. *Ред.*

filios suos...

Болѣ четверти столѣтія «отъ младыхъ ногтей», питаюсь крупицами отъ великолѣпной трапезы отечественной словесности и черпая мудрость изъ многоразличныхъ ея источниковъ, начиная съ покойника «Телеграфа» и покойника «Телескопа» до «зеленаго» Наблюдателя, съ его юношески–гегеліанскими замашками и отъ «Зеленаго Наблюдателя» до «Современника» и иныхъ новѣйшихъ органовъ нашего умственного развитія, я конечно имѣлъ достаточно времени и возможности ко многому присмотрѣться.

«Въ настоящее время, когда»... т. е. въ настоящую чисто–практическую минуту, въ ту великую минуту, когда г. –бовъ каждую статью свою начинаетъ требованіемъ высокаго акта смиренія со стороны своего читателя; въ ту практическую минуту, когда знаніе, искусство, государственная свобода — объявляются строго–логическимъ мышленіемъ г. Чернышевскаго, побрякушками передъ

вышею идею матеріальнаго благосостоянія (матеріальное благосостояніе вещь хорошая, но зачѣмъ же казенные стулья ломать); въ настоящую — продолжаю я мой длинный ораторскій періодъ — минуту, когда даже и самые осторожные, — бывало слишкомъ осторожные, мыслители, какъ почтенный критикъ «ветхихъ денми» «Отечественныхъ Записокъ», покушаются перескочить бездну, отдѣляющую ихъ отъ новѣйшихъ и, стало быть, самыхъ близкихъ къ истинѣ мыслителей и приносятъ самоновѣйшему мышленію идоложертвенную требу, чѣмъ же? — лишая народнаго значенія Пушкина; въ настоящую, наконецъ высшую минуту нашего умственнаго развитія, я смиренно причисляю себя и многихъ, столь же отсталыхъ какъ я моихъ товарищей къ числу «ненужныхъ», совершенно ненужныхъ людей.

И это — безъ малѣйшей ироніи, безъ малѣйшей гордости смиренія, безъ малѣйшаго даже желанія порисоваться своей «ненужностью». Знаю, что немногіе

изъ собратій моихъ раздѣлять со мною это смиреніе безъ ироніи и затаенной гордости; знаю, что не одинъ, еще могучій можетъ быть, голосъ раздастся за «ненужныхъ» людей... Но увы! и такой голосъ можетъ подняться только за то, что были когда-то нужны «ненужные» люди, ненужные «въ настоящее время, когда...»

Увы! Голоса «ненужныхъ» людей, болѣе или менѣе сильные, болѣе или менѣе даровитые, могутъ имѣть теперь только историческое значеніе, да пожалуй еще, значеніе отрицательное, критическое...

Въ отношеніи къ настоящему времени, мы «ненужные люди» поневолѣ, по самой натурѣ нашей — скептики и стало-быть критики. Мы поневолѣ видимъ только его промахи, замѣчаемъ только темныя пятна въ его свѣтилахъ, поражаемся только пробѣлами въ его глубокихъ безднахъ... И это въ насъ, «ненужныхъ» людяхъ, вовсе даже не болѣзнь, которая называется *ambition rentrée*, а простое логическое послѣдствіе нашего умственного и нравственного развитія.

Прежде всего въ насъ, «ненужныхъ» людяхъ, при глубокомъ сочувствіи къ прогрессу, укоренена до неизлѣчимости безотраднѣйшая вѣра въ безконечность прогресса, и вслѣдствіе этой вѣры — печальное убѣжденіе въ томъ, что душа человѣческая съ ея многоразличными струнами, остается и останется всегда одинакова; что никогда ни луна не соединится съ землею, какъ надѣялся Фурье, ни разнообразныя краски народностей и личностей не сольются въ общую, сплошную, здоровую и однообразную массу человечества, ни страсти человѣческія не выродятся въ математически—опредѣленные и свободно—удовлетворяемая потребности, — ни искусство, этотъ вѣчный гимнъ и вѣчный вопль человѣческой души, не изсякнетъ и не исчезнетъ... Если вы хотите, мы, ненужные люди, — даже и довольны нашей безотрадной вѣрою, нашимъ печальнымъ убѣжденіемъ: но во всякомъ случаѣ эта вѣра и это убѣжденіе, лишаютъ насъ возможности вѣрить въ утѣшительныя

теоріи г. Чернышевскаго и предпочитать вмѣстѣ съ нимъ яблоко настоящее яблоку нарисованному, и красавицу живую красавицѣ писанной: лишаютъ насъ возможности совершать акты смиренія, требуемые г. –бовымъ отъ его читателей.

А отъ этого, согласитесь, и я и другіе мои собратія остаемся въ потерѣ, весьма и весьма значительной. Ужь одно то напимѣрь, государи мои! что мы не можемъ вѣрить такъ пламенно, какъ адепты г. Чернышевскаго и –бова (въ крѣпости вѣры самихъ этихъ глубокихъ мыслителей мы крѣпко сомнѣваемся) въ того великаго поэта, «которому только обстоятельства, какъ сказано въ ихъ писаніяхъ, помѣшали получить въ литературѣ нашей значеніе гораздо большее, чѣмъ Пушкинъ и Лермонтовъ»; а вѣдь вѣра – счастье! Мы, съ другой стороны, огорчаемся до глубины души, когда альбомными побрякушками называютъ вещи Пушкина, которыми всѣ мы нѣкогда душевно жили и доселѣ еще жить способны: а вѣдь огорченія кровь портятъ! Правда, что большая часть изъ

«ненужныхъ» людей, не доводитъ своего огорченія до предѣловъ крайнихъ и вредоносныхъ для благосостоянія собственной ихъ особы. Правда, что большею частью, всѣ отсталые, «ненужные» люди, при какой-либо сильной выходкѣ самоновѣйшей мудрости, ограничиваются тѣмъ, что соберутся, покачаютъ задумчиво своими, уже сѣдѣющими и по бльшей части увѣнчанными большимъ или малымъ вѣнцомъ, головами; дойдутъ пожалуй до нѣкотораго паѳоса озлобленія, до рѣшимости возстать наконецъ всей послѣдней энергіей на замашки ярыхъ витязей, поклянутся пожалуй въ порывѣ негодованія разорвать всякія умственные и нравственные сношенія съ современною мудростью, — да такъ и останутся «при своемъ желаніи и при своемъ собственномъ интересѣ», какъ выражаются карточные гадалъщицы.

Это впрочемъ главнымъ образомъ отъ того, что большая часть изъ «ненужныхъ» людей, уже нѣкоторымъ образомъ

увѣнчанные (laureati), стало-быть, состояще на покоѣ.

Не имѣя высокаго счастья принадлежать къ числу моихъ «увѣнчанныхъ» старшихъ собратій, я маленькій ненужный человекъ, рѣшаюсь, какъ *sentinelle perdue*, повиноваться своему, въ настоящую минуту отрицательному, скептическому назначенію, принять на себя роль Зоила въ отношеніи къ новымъ нашимъ Гомерамъ, отмѣчать по временамъ «несообразные» глаголы медоточивыхъ усть ихъ, роль неблагодарную, роль даже опасную, но тѣмъ не менѣе полезную. «Большою полезностью» (*grande utilitѣ*) — выражаясь техническимъ языкомъ закулиснаго міра, я не имѣю поползновенія быть, — но быть даже и простою «полезностью» — все-таки какое-нибудь назначеніе для «ненужнаго» человека.

Изъ довольно откровеннаго (отдаю себѣ въ этомъ случаѣ полную справедливость) заглавія моей первой попытки, современная

мудрость уже можетъ усмотрѣть, что я имѣю цѣли весьма дерзновенныя и даже въ нѣкоторомъ родѣ неблагопристойныя: не въ томъ конечно смыслѣ, чтобы я съ разу заявлялъ себя, какъ покойникъ Измайловъ «писателемъ не для дамъ» — до дамъ мнѣ рѣшительно никакого нѣтъ дѣла...
Неблагопристойны могутъ показаться цѣли мои въ отношеніи къ російской словесности, на горизонтѣ коей возсіяли въ послѣднія времена, столь яркія и руководящія свѣтила, разливающія на юное поколѣніе столь лучезарное сіяніе знаній и мудрости, — что кромѣ ихъ, этихъ лучезарныхъ свѣтилъ, означенное юное поколѣніе никакихъ другихъ не видитъ, да и видѣть не хочетъ.

Съ этого—то именно пункта мнѣ и да будетъ позволено начать свои плачевныя рапсодіи.

Пунктъ же этотъ позволю ужъ я самъ себѣ выразить въ слѣдующемъ, хотя и нѣсколько рѣзкомъ, но тѣмъ не менѣе довольно справедливымъ, судя по фактамъ, положеніи, а именно:

Умственное развитіе наше есть Сатурнъ, постоянно пожирающій чадъ своихъ, по мѣрѣ ихъ рожденія. Все, что сдѣлано вчера, а тѣмъ паче третьяго дня, мы уже забыли сегодня и подаемъ большія надежды, что сдѣланное нами сегодня рѣшительно зачеркнемъ завтра и не только зачеркнемъ, а подъ веселую руку даже и оплюемъ.

Въ этомъ случаѣ, мы дѣйствительно люди прогресса въ самомъ крайнемъ и слѣпомъ его опредѣленіи, т. е. люди послѣдней минуты. Передъ нами все, даже истинно высокое и великое проходило, проходить и вѣроятно долго еще будетъ проходить, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ.

Прежде чѣмъ коснуться частныхъ фактовъ, которыми я тотчасъ же могъ бы нагляднѣйшимъ образомъ подтвердить мое рѣзкое положеніе, позвольте мнѣ основательно заняться однимъ общимъ, крупнымъ фактомъ, — хорошимъ или дурнымъ, это какъ вамъ будетъ угодно его признать, но во всякомъ случаѣ — несомнѣннымъ, а именно: повсемѣстнымъ

упадкомъ общаго человѣческаго образованія, упадкомъ совершившимся чрезвычайно, до неожиданности быстро, въ теченіе какихъ-нибудь десяти или много-много пятнадцати лѣтъ. Упадокъ же образованія, на языкѣ не совсѣмъ вѣжливомъ, но точномъ въ своей простотѣ, называется, какъ вамъ конечно не безызвѣстно — невѣжествомъ.

Эпоха нашего умственнаго развитія отъ Карамзина до смерти Пушкина, можетъ быть названа эпохою широкаго, всесторонняго, энциклопедическаго, хотя и крайне поверхностнаго образованія.

Мы тогда воспитывались (изъ вторыхъ впрочемъ и притомъ изъ французскихъ рукъ) на древности, на древней исторіи, даже на древней поэзіи, хотя только очень немногіе избранные были способны понимать настоящую поэзію этой поэзіи и питаться историческимъ духомъ древности, а бльшая часть развивались, какъ легкій, но общій представитель того племени, Онѣгинъ, т. е.

Онъ рыться не имѣлъ
охоты
Въ хронологической пыли,
Но дней минувшихъ
анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ
дней
Хранилъ онъ въ памяти
своей...

Я конечно не стану васъ убѣждать, что въ этомъ образованіи была хороша его поверхностность, но вѣдь и вы конечно не станете убѣждать меня, что въ немъ была нехороша его всесторонность, его человѣчность, начинавшаяся какъ и слѣдуетъ, ознакомленіемъ человѣка съ древностью, хоть по книгѣ Бартелеми: «Путешествіе младаго Анахарсиса» — ознакомленіемъ съ завѣщанными древностью великими сокровищами, хоть только по имени или по французскимъ подражаніямъ, — ознакомленіемъ съ ея доблестями, хоть бы даже по старику Ролленю... Не говорю уже о томъ, что

такъ познакомились съ древностью только Онѣгины, что въ эпоху, давшую талантъ Гнѣдича, трудолюбіе Мартынова, — не безъ основаній можно подозрѣвать и болѣе серьёзную сторону знакомства съ древностью во многихъ.

Что касается до мышленія, искусства, жизни средняго и новаго европейскаго челоуѣчества, то мы, — я говорю про образованныхъ вполнѣ людей, и преимущественно, про классъ писавшій и поучавшій другіе классы, — были съ ними знакомы столько же, сколько вся тогдашняя Европа была знакома съ своимъ прошедшимъ и настоящимъ. По нашей переимчивости и по нашей удивительной способности отрицаться отъ своей собственной жизни въ пользу всякой чужой, способности, которая и теперь за нами осталась неотъемлемо, только *sub alia forma*, мы доводимъ дѣло нашего гуманизма и европеизма даже до педантства. Недаромъ даже Онѣгинъ былъ

.....по мнѣнью
многихъ
Судей рѣшительныхъ и
строгихъ,
Ученый малый, но
педантъ.

Потомучто даже Онѣгинъ и тотъ

... зналъ довольно по
латыни,
Чтобъ эпиграфы
разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма
поставить: vale!
Да помнилъ хоть не безъ
грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.

Потомучто даже и въ воспитаніе Онѣгина,
этого, повторяю, легкаго, но общаго и
типическаго представителя эпохи,
гуманизмъ залегъ, какъ нѣчто
обязательное.

Опять—таки не подумайте пожалуйста, чтобы я восторгался *поверхностно* образованія онѣгинской эпохи. Во—первыхъ, — на столько вы конечно допустите во мнѣ, «ненужномъ» человѣкѣ, здраваго смысла, чтобы не восторгаться нагло вздоромъ, а во вторыхъ — я, «ненужный» человѣкѣ, принадлежу моимъ умственнымъ развитіемъ къ иной полосѣ, къ эпохѣ *гордаго* и *туманнаго* глубокомыслія; я, съ «гордостью страданья» свойственной моей эпохѣ, имѣю право сказать, какъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда: «Я Гёте наизусть знаю, я Гегеля изучалъ, милостивые государи!» Стало—быть, восторгаться мнѣ энциклопедизмомъ онѣгинской эпохи, даже и по эгоизму — не изъ чего. Я такъ только отмѣчаю фактъ.

Гуманизмъ и энциклопедизмъ, началъ я говорить, доводили мы до педантства, главнымъ образомъ изъ боязни показаться не европейцами.

Малѣйшій недостатокъ въ знаніи древней или обще—европейской жизни и литературы; ошибка въ имени какого—либо,

даже не первокласснаго европейскаго дѣятеля или писателя, и тѣмъ болѣе, незнаніе какого-либо изъ нихъ, хотя бы по имени, — считались тогда невѣжествомъ. Попробоваль бы тогда кто-нибудь изъ литераторовъ не знать имени и хотъ перечня сочиненій какого-нибудь, не говорю ужъ *Реньяра*, не говорю даже *Детуша* (французскихъ комиковъ, позволю я себѣ прибавить, чтобы не поставить въ затрудненіе новаго пишущаго поколѣнія), а какого-нибудь *La Chaussée*, какого-нибудь *Lapoue*! Попробоваль бы кто-нибудь изъ пишущей братіи, не знать какой-либо анекдотической черты изъ древней или новой, преимущественно конечно французской исторіи, — его заклевали бы, буквально заклевали бы тогдашніе литераторы! Стоитъ только припомнить, какъ даровитому самоучкѣ Полевому досталось за незначительнѣйшій промахъ и съ какимъ скандаломъ проводили его по всѣмъ тогдашнимъ журналамъ съ его «Грипусье».

Подъ вліяніемъ Жуковскаго, подъ вліяніемъ Пушкина, подъ вліяніемъ даже жадно усвоившаго, или лучше сказать хватавшаго на лету образование Полеваго и наконецъ подъ вліяніемъ серьёзныхъ мыслителей, каковы были Надеждинъ, Кирѣевскій и другіе литераторы въ Москвѣ, Одоевскій въ Петербургѣ, — къ массѣ нашихъ гуманныхъ свѣденій, почерпнутыхъ изъ французскихъ источниковъ, — присоединялись постепенно масса англійская и масса нѣмецкая. Какъ та, такъ и другая, конечно немногими усвоились внутренне, но зато всѣми хватались на лету, какъ Полевымъ и для всѣхъ образованныхъ, и въ особенности пишущихъ людей, становились *обязательными*. Я не говорю о томъ, что истинно, въ полномъ смыслѣ образованные изъ нашихъ литераторовъ тогдашнихъ Кирѣевскій, Хомяковъ, Одоевскій, Надеждинъ, Погодинъ и нѣкоторые другіе, — многосторонностью образованія и даже глубиной учености, стояли въ уровень со всѣми тогдашними европейскими

писателями и мыслителями. Нѣтъ! я говорю о массѣ образованнаго и вообще пишущаго класса, говорю о томъ фактѣ, что общее гуманное образование было тогда для этого класса обязательно, и что отсутствіе общаго образованія было казнимо безпощадно, какъ только оно выказывалось, хотя бы даже въ мелочахъ.

Опять позвольте оговориться. Мнѣ, маленькому «ненужному» человѣку, шагу нельзя ступить безъ оговорокъ, «въ настоящую минуту, когда»...

Въ этомъ педантствѣ гуманизма, была своя нехорошая сторона. Обязанные знать все чужое, зная это чужое часто только по имени и по наслышкѣ, — мы ровно ничего не знали своего. Но не забудьте, что самые жаркіе, самые исключительные ревнителі и поборники «своего» славянофилы, по развитію и образованію своему совершенно принадлежали къ этой эпохѣ, не хотѣвшей знать ничего своего и поставлявшей обязательнымъ знаніе всего чужого.

Ну—съ! Теперь, отъ этихъ фактовъ одной изъ эпохъ нашего прошедшаго, позвольте

перейти къ нашему блистательному настоящему.

Если я скажу на первый разъ, что общее, гуманное, энциклопедическое образование нѣсколько поупало, сравнительно съ эпохою предшествовавшюю, то въ этомъ, я надѣюсь, никто со мной спорить не станетъ. Раздадутся только голоса противъ значенія поверхностнаго, энциклопедическаго образованія бывалыхъ годовъ, въ обличеніе его бесплодности и т. д., и въ этихъ голосахъ будетъ безъ всякаго сомнѣнія много весьма справедливаго. Главное же справедливое будетъ заключаться въ томъ, о чемъ уже мною упомянуто; т. е. въ томъ, что зная тогда много лишняго чужого, мы рѣшительно не знали ничего своего, ни нашего быта, ни нашей исторіи, ни нашихъ преданій. Напротивъ, мы считали тогда какимъ-то *шикомъ* не знать ничего своего и всего своего чуждаться.

И если бы наша эпоха, въ замѣну поверхностнаго энциклопедизма, въ замѣну на лету нахватаанныхъ свѣденій, отличалась повсемѣстнымъ и глубокимъ знаніемъ своего, она имѣла бы огромное значеніе въ нашемъ умственномъ развитіи, какъ естественная и необходимая реакція самобытности, народности, противъ подражательности и пустого космополитизма.

Къ сожалѣнію, глубокаго знанія «своего» незамѣтно какъ-то въ молодыхъ поколѣніяхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ личностей, обречшихъ себя на трудъ и изученіе.

«Своимъ» зовется въ настоящую эпоху только сегодняшнее, а все вчерашнее — и тѣмъ болѣе третьягоднишнее, хотя бы вчерашнее было Гоголь, а третьягоднишнее — Пушкинъ, положительно пропадаетъ безъ слѣдовъ и вѣдь пропадаетъ, или лучше сказать, кладется подъ спудъ вовсе не потому, чтобы оно само по себѣ было безсильно, само по себѣ

неспособно оставить глубокіе слѣды въ общественномъ развитіи...

Говорю вамъ, что вчерашнее — Гоголь, а третьягоднишнее — Пушкинъ!

А между тѣмъ, и тотъ и другой, какъ будто служили только подмостками для сооруженія великолѣпныхъ храмовъ настоящей эпохи! Великолѣпные храмы сооружены, напримѣръ, и тѣмъ великимъ поэтомъ «которому только обстоятельства (какія право досадныя эти обстоятельства!) помѣшали въ литературѣ нашей получить значеніе выше Пушкина и Лермонтова» и великимъ романистомъ, казнившимъ нашу Обломовщину и иными. Ненужныя же подмостки сняты — зачѣмъ ихъ!

Оно такъ и быть должно, если вѣра въ прогрессъ есть вѣра въ послѣднюю минуту, но, милостивые государи мои, господа «нужные» люди, я «ненужный» человѣкъ, покушаюсь въ этомъ случаѣ сдѣлать вамъ *appel a la pudeur!*

При чемъ же вы насъ наконецъ оставили?

Неужели же, не въ шутку, при великомъ поэтѣ, «которому обстоятельства»... и т. д.,

котораго энергическій талантъ признаемъ и мы «ненужные» люди — только не въ такой мѣрѣ и степени какъ вы, да при великомъ романистѣ Обломовщины?.. А вѣдь вы, господа «нужные» люди, рѣшительно при сихъ только свѣтилахъ оставили «неопытное» *младое* поколѣніе!

Знаете ли вы, что часть этого «младого» поколѣнія весьма плохо знакома съ Пушкинымъ, потомучто съ гимназической скамьи упивалась только пѣснопѣніями о «Ванькѣ ражемъ» и о «купцѣ, у коего украденъ былъ калачъ»; а другая, позднѣйшая, стало быть еще современнѣйшая часть этого «младого» поколѣнія, плохо читала даже и Гоголя, замѣнивши его г. Щедринымъ и иными обличителями. Право такъ!

А ужъ что касается до дѣятелей нашей до-пушкинской эпохи, до Жуковскаго наприимѣръ, котораго имя какъ будто кануло въ воду въ нашей литературѣ, до Карамзина, то эти писатели извѣстны нашему «младому» поколѣнію только по хрестоматіи г. Галахова. Золотая книга!

Безъ нея совсѣмъ пропали бы въ нашей россійской словесности имена Жуковскаго, Карамзина, Дмитріева, Батюшкова и т. д. Тѣже изъ писателей нашихъ, которые въ хрестоматіи г. Галахова не существуютъ даже и заклеенные звѣздочкой, выучиваются разъ поименно къ окончательному гимназическому или къ вступительному университетскому экзамену и за тѣмъ забываются навсегда.

Знакомства съ древнею нашею письменностью, съ до-петровскимъ нашимъ бытомъ, т. е. опять таки, знакомства, сколько-нибудь повсемѣстно распространеннаго, въ нашей эпохѣ тоже какъ-то незамѣтно.

Знакомы мы въ настоящую минуту только преимущественно съ г. Некрасовымъ, съ г. Гончаровымъ, съ г. Щедринымъ и съ пророкомъ ихъ г. -бовымъ, отчасти, по старой памяти и по привычкѣ съ Тургеневымъ и отчасти же съ Островскимъ, да и то съ весьма недавняго времени и притомъ, благодаря г. -бову, благодаря его ловкому, хотя и явно лукавому маневру

обратить Островскаго въ отрицательнаго писателя, въ обличителя самодурства. До разьясненій же г. –бова, къ Островскому, не смотря на весь великій его талантъ, «младое» поколѣніе оставалось какъ–то холодно, чтобы не сказать равнодушно.

Что касается до знакомства и сближенія съ народнымъ бытомъ, то ни явленіе такого великаго художника, какъ Островскій и такихъ произведеній, какъ нѣкоторыя изъ произведеній Писемскаго, ни изданія доселѣ подъ спудомъ обрѣтавшихся источниковъ, ни ученыя разработки, часто, какъ на примѣръ Буслаевскія, обильныя многосторонними результатами, не доказываютъ ничего въ пользу повсемѣстнаго распространенія знакомства съ народнымъ бытомъ въ нашу эпоху. Можно сказать безъ малѣйшей гиперболы, что большая часть нашего пишущаго, т. е. поучающаго класса, точно также разобщена съ народною жизнью, какъ и въ былую эпоху и этимъ только могутъ быть объяснены тѣ странныя промахи, въ которые впадаютъ нѣкоторыя изъ

пишущихъ и поучающихъ въ наше время. Въ 1852 году, въ предисловіи къ нѣсколькимъ пѣснямъ изданнымъ въ третьемъ «Московскомъ Сборникѣ», Хомяковъ, въ лирическомъ увлеченіи писалъ: «Поется старо-русская пѣсня, сказывается старо-русская сказка — и мы чувствуемъ въ ней нашу, вѣчно-живущую струю...» Но вѣдь нѣчто, совершенно иное происходитъ теперь въ нашемъ литературномъ мірѣ. При раскрытіи какихъ-либо новыхъ сторонъ нашей народной жизни въ пѣснѣ ли, въ сказкѣ ли, въ письменномъ ли историческомъ памятникѣ, съ большею частью нашей мыслящей, пишущей и поучающей братіи, совершается какое-то, съ позволенія сказать, ошеломленіе. За примѣрами ходить недалеко. Пѣсни, переданныя въ «Отечественныя Записки» г. Якушкинымъ, сказки, собранныя г. Аѳанасьевымъ, рассказы о народѣ настоящихъ знатоковъ народнаго быта, гг. Максимова, Потѣхина, Якушкина, — новизною своею такъ подѣйствовали на добросовѣстное, но

чисто–кабинетное мышленіе почтеннаго и всегда очень осторожнаго и умѣреннаго критика «Отечественныхъ Записокъ», что онъ «ничто же сумняся» принесъ новооткрытому имъ міру въ жертву... бездѣлицу: народное значеніе Пушкина, основавши свои выводы главнымъ образомъ на томъ обстоятельстве, что Пушкинъ мало распространенъ въ народѣ и совершенно позабывши, что въ народѣ, вообще малограмотномъ, трудно было распространиться Пушкину, что для рѣшенія этого вопроса, надобно, по крайней мѣрѣ, подождать слѣдствій распространенія грамотности. Пушкинъ мало знакомъ теперь и образованному «младому» поколѣнію, да что же изъ этого слѣдуетъ? Не Пушкинъ же виноватъ, что пряныя яства новѣйшей поэзіи, приправленныя всякими возбуждательными спеціями, отбили у «младого» поколѣнія вкусъ къ простой и естественной пищѣ. Я вамъ говорю, и говорю право безъ особеннаго преувеличенія, что даже съ Гоголемъ, не смотря на всю соль и отрицательную силу

таланта этого писателя, «младое» поколѣніе мало знакомо, по крайней мѣрѣ гораздо меньше, чѣмъ съ произведеніями г. Щедрина. Не думайте Бога ради, чтобы въ г. Некрасовѣ, даже въ г. Щедринѣ, я отрицалъ талантъ, даже высокую степень таланта: но неужели же гг. Некрасовъ и Щедринъ болѣе народные писатели, чѣмъ Пушкинъ и Гоголь, потомучто больше распространены теперь въ читающей публикѣ? Не думайте также, чтобы самихъ гг. Некрасова и Щедрина винилъ я въ томъ, что пряными яствами отбить вкусъ къ простому и истинно прекрасному. Если я и виню кого-либо, — то пророковъ и адептовъ...

Да и то впрочемъ нѣтъ! Беззлбный «ненужный» человѣкъ, я никого не виню, я хочу только засвидѣтельствовать факты нашего времени...

Дѣло въ томъ, что мы теперь все забыли, кромѣ нынѣшняго дня, все — и свое и чужое, что мы не знаемъ ничего кромѣ нынѣшняго дня, ни своего, ни чужого, ни глубоко, ни поверхностно.

Я началъ осторожно съ того, что общее образованіе *нѣсколько* поупало въ нашу эпоху, а вѣдь можно сказать хоть и рѣзко, но справедливо, что оно *совершенно* упало и притомъ упало не въ читающемъ только, а въ пишущемъ и поучающемъ классѣ... Примѣровъ не оберешься.

Я могъ бы указать вамъ на изслѣдователей миѳовъ, созидавшихъ нашу миѳологію по идеямъ Якова Гримма о Германской миѳологіи и обличенныхъ въ незнаніи Гримма по незнанію того языка, на которомъ Гриммъ писалъ;

На изслѣдователей нашей древней торговли, скандально уличенныхъ же въ незнаніи языка византійскихъ источниковъ, которыми они подтверждали свои глубокомысленныя изслѣдованія;

На знатокъ англійской литературы, признанныхъ англомановъ, смѣшивавшихъ Бень-Джонсона съ докторомъ Джонсономъ;

На мирандольскій пикъ (Пикъ де ла Мирандола), на церковь святаго Этьенна въ Вѣнѣ и другія дивныя мѣстности (въ переводѣ на російскій языкъ Зандовой Консуэло), на біографію весьма малоизвѣстнаго писателя Шиллера, наполненную Фредериками Шиллерами, Миннами де Баригельмъ и другими подобными диковинками; на смѣшеніе писателя Юстинуса Кернера съ Теодоромъ Кернеромъ и на обруганіе перваго за послѣдняго и т. д. и т. д.

Цѣлыя страницы можно было бы для любителей литературныхъ скандаловъ наполнить грубѣйшими промахами въ отношеніи къ европейской литературѣ и европейской исторіи, какими изобиловали наши журналы и большіе, и малые, и старыя, и нововозникшія, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, за исключеніемъ разумѣется строгихъ пуристовъ, представителей бывалаго образованія, «Русской Бесѣды» и «Русскаго Вѣстника.»

А вѣдь журналы наши были въ теченіе не то что десяти, но двадцати—пяти лѣтъ —

источниками образованія для нашей публики.

Ясное дѣло, что редакціи ихъ не были достаточно приготовлены литературно, чтобы достойно называться редакціями или исполняли дѣло свое съ чисто «россійскимъ» неряшествомъ. Главнымъ образомъ, они били только на интересы послѣдней минуты, а обо всѣхъ остальныхъ обязанностяхъ нисколько не заботились. Многіе же изъ нихъ, просто на просто занимались «битьемъ по карманамъ», употребляя циническое, но мѣткое выраженіе покойнаго Сеньковскаго.

И такъ, энциклопедизмъ, хотя и поверхностный бывалаго времени, замѣнился въ наше время замѣчательнымъ невѣжествомъ и замѣчательнымъ же равнодушіемъ къ какому бы то ни было невѣжеству. Всякій интересъ къ европейской литературѣ и къ европейской исторіи исчезъ въ публикѣ, оставшись только въ университетахъ и спеціалистахъ.

Въ самыхъ университетахъ ознакомленіе съ гуманными науками потеряло свой

прежній, общій охватывавшій всю науку характеръ, а получило характеръ частный, монографическій, характеръ подробнаго ознакомленія съ частями науки и съ учонымъ методомъ разработки, что очень хорошо въ повсемѣстно и классически образованной Германіи и очень выгодно для преподавателей какъ ученыхъ, — но едва ли полезно такъ для слушателей, которые большею частью, доселѣ еще по старой памяти

..... учились понемногу
Чему—нибудь и какъ—нибудь,

какъ по необходимости сжатое, но по возможности цѣльное изложеніе недавняго бывалаго времени, эпохи Грановскихъ, Рѣдкиныхъ, Рулье и т. д.

Не думайте, сдѣлайте милость, господа «нужные» люди, чтобы я вопіялъ на сильное развитіе специализма въ знаніяхъ... Я вопію только и конечно въ пустынь, на развитіе его во вредъ полнотѣ и цѣльности гуманнаго образованія, вопію на то, что

отсутствіе этого общаго гуманнаго образованія, не вознаграждается пока еще ничѣмъ въ нашемъ умственномъ и нравственномъ развитіи...

Знаніе, хотя и по наслышкѣ, явленія европейской жизни и литературы, обязательное для всѣхъ образованныхъ, и тѣмъ болѣе пишущихъ людей въ прежнюю эпоху, приносило нерѣдко значительные результаты, ибо не повсѣхъ же было оно знаніемъ только по наслышкѣ. Имена великихъ дѣятелей европейской мысли и жизни, носившіяся тогда въ воздухѣ, звучавшія въ ушахъ каждаго читателя, иногда вѣдь будили же интересъ и до ближайшаго, непосредственнаго съ ними знакомства. Поверхностныя журнальныя статьи о нихъ, неизбѣжныя въ каждой книжкѣ тогдашнихъ журналовъ, все-таки что-нибудь сообщали о ихъ дѣятельности и это сообщаемое становилось нашимъ капиталомъ и капиталъ этотъ нерѣдко у многихъ приносилъ проценты... Въ наше же время статьи подобнаго рода, если онѣ не

приправлены какими-либо пряностями, остаются въ журналахъ неразрѣзанными.

Эпоху поверхностнаго энциклопедизма смѣнила у насъ съ 1836 года другая эпоха, которую можно назвать философскою, или по крайней мѣрѣ, эпохою философскаго броженія. Она еще такъ свѣжа въ памяти многихъ, что говорить о ней пространно — незначѣмь. Дѣятельность Кирѣевскаго, Надеждина, Хомякова, Станкевича, пламенная пропаганда Бѣлинскаго, беспощадный анализъ писемъ о диллетантизмѣ и писемъ объ изученіи природы, возвышенная рѣчь Грановскаго — еще какъ будто и до сихъ поръ не отзвучали для насъ.

Пусть въ эту эпоху мы часто шарлатанили, пусть не разъ глубокомысленно трактовали мы о миѳѣ Прометея и другихъ подобныхъ, «вызывающихъ на размышленіе» предметахъ, цѣликомъ переводя изъ

«Deutsche JahrbЯcher»; пусть ни одна, самая простая мысль не проходила тогда безъ извѣстныхъ *туманныхъ* формъ; но поколѣніе Бельтовыхъ и Рудиныхъ само мыслило серьёзно и мучительно, и учило Лежневыхъ мыслить... Въ этомъ, я думаю, едва ли можетъ быть какое сомнѣніе.

Глубокое и вѣками купленное мышленіе Германіи, это смѣлое мышленіе, стремившееся постоянно, въ лицѣ своихъ великихъ представителей — Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, захватить цѣлость міровой жизни, вывести ее всю изъ одного принципа, — это мышленіе, разъединенное съ жизнью у самихъ мыслителей Германіи, въ насъ находило себѣ и жрецовъ и вмѣстѣ жертвы...

Зная немного, но зная за то съ фанатическою вѣрою то, что знали, Рудины и Бельтовы прямо и непосредственно вносили въ жизнь убѣжденія, не останавливаясь въ процессахъ своего внутренняго міра ни передъ какими переворотами, ни передъ чѣмъ

условнымъ... Да: они смѣло входили въ
жизнь

.....съ прекраснымъ
упованьемъ,
Съ желаньемъ истины, добра
желаньемъ...

Они всѣ, одни конечно болѣе, другіе
менѣе, вѣдали по многимъ душевнымъ
опытамъ тяжкія страданія мысли...

Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ
теперь твое движеніе,

Страшна твоя борьба,
Грознѣй небесныхъ бурь несешь
ты разрушеніе,

Неумолима какъ сама судьба.
Отъ старыхъ истинъ я отрекся
правды ради,

Для призраковъ давно я
заперъ дверь...

Листъ за листомъ я рвалъ
завѣтныя тетради

И все и все изорвано теперь!

Но они же вѣдали и минуты того гордаго торжества мысли, когда имъ, какъ поэту «Монологовъ» становился не страшень Мефистофель.

Припомните, какимъ упоеніемъ мысли дышатъ девять частей сочиненій Бѣлинскаго, который только уже съ половины сороковыхъ годовъ становится болѣе публицистомъ, чѣмъ философомъ, чтобы понять эту эпоху.

И между тѣмъ эта эпоха тревожнаго броженія мысли пропала для настоящаго времени безслѣдно. Слѣды ея обнаружатся еще можетъ быть послѣ, но покамѣстъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы или занимаемся перетряскою вопросовъ, о которыхъ уже писалъ и много писалъ Бѣлинскій, или умиленно услаждаемся резонерствомъ г. —бова, не требующимъ отъ читателя никакого мышленія, даже и не желающимъ будить въ немъ ихъ собственнаго мышленія; теоріями г. Чернышевскаго — тоже доступными всѣмъ и каждому, какъ чисто

отрицательныя или грубо положительныя; *ясными* философскими статьями, которыя ясны потому, что не ищутъ всеохватывающаго начала жизни. Маніей ли позитивизма, маніей ли бенекіанизма заражаются наши современные, даже и даровитые мыслители, стремленія ихъ равно не переходятъ изъ области мысли въ жизнь, равно не дѣйствуютъ на цѣльность природы челоука по той простой причинѣ, что дѣйствовать цѣльно могутъ только философія и искусство, вещи сами по себѣ цѣльныя...

Почастный анализъ заступилъ мѣсто стремленій къ синтезу въ поучающемъ классѣ, а въ классѣ читающемъ и слушающемъ замѣтно совершенное отсутствіе работы мысли. Въ самыхъ впечатлительныхъ натурахъ, вмѣсто прежняго фанатизма вѣры или фанатизма безвѣрія, развился дешевый и легкій скептицизмъ... Да и зачѣмъ мыслить?.. Г. Чернышевскій такъ убѣдительно доказываетъ, что въ исторической жизни народовъ, все — вздоръ, кромѣ

матеріального благосостоянія; г. –бовъ такъ ясно видитъ повсюду одну глупость и подлость и съ такою ясностью излагаетъ намъ наши насущные интересы, что избавляетъ насъ отъ всякаго труда думать: позитивисты–философы такъ искусно обходятъ всѣ пункты, отъ которыхъ можно идти къ охватывающимъ цѣлость жизни принципамъ...

А между тѣмъ, мнѣ «ненужному» человѣку все кажется, что мы похожи на солдатъ, которые вполнѣ вооруженные шли въ ночной темнотѣ, шли хоть и ощупью, но готовые на бой: на разсвѣтѣ, вдругъ, внезапно имъ указанъ другой пунктъ стремлений – и они бросились стремглавъ, побросавши даже оружіе...

Мнѣ все кажется также, что только то движеніе законно и вѣрно, въ которомъ сохраняется законъ солидарности, послѣдовательности, преемственности идей.

Вотъ вамъ на первый разъ мои сомнѣнія, сомнѣнія «ненужнаго» человѣка.

Вѣря въ одно, въ неисчерпаемыя тайны жизни, вѣря слѣдовательно, что жизнь

умнѣ и меня и всѣхъ насъ «ненужныхъ» людей, взятыхъ совокупно, я вѣрю однако, что она умнѣ и самихъ «нужныхъ» людей, и потому—то считаю обязанностью, по крайнему разумѣнію, констатировать факты.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ НЕНУЖНЫХЪ ЛЮДЕЙ